

От Варшавы до Пекина

«Секретный» доклад привел в движение весь мир. На Западе он произвел сенсацию, в странах народной демократии разоблачение преступлений тирана значило не меньше, чем у нас. Там тоже прошли политические процессы по образцу московских тридцать седьмого года, в результате которых одни, как венгр Ласло Райк и словак Рудольф Сланский, погибли, другие, поляк Владислав Гомулка и венгр Янош Кадар, угодили в тюрьму. Их место заняли люди, отнюдь не заинтересованные в переменах. Наибольшую тревогу вызывали Польша и Венгрия, особенно Польша. После смерти Берута там наступило безвластие.

Отношение поляков к России никогда не было дружеским. История помнит три раздела Польши: в 1772-м, 1793-м и в 1795 году между Российской империей, Австрией и Пруссией,

восстания и следовавшие за ними кровавые расправы, ссылки в Сибирь тысяч повинных и неповинных. Немало горьких воспоминаний связывало поляков и со Сталиным. Это и подписанный в 1939 году пакт Риббентропа-Молотова, и разгром Польской коммунистической партии, руководители которой погибли в советских застенках, и могилы Катыни.

О Катыни я впервые услышал в те годы. Меня поразила чудовищность обвинений, и конечно, я в них не поверил... Катынь волновала в те дни всех. Аджубей, я уж не помню в связи с чем, спросил о ней генерала Серова. В присутствии отца генерал запретной темы не касался, но тут он куда-то ненадолго отлучился, а вопрос Алексея Ивановича звучал с подковыркой: «Как же это вы так оскандалились?» Иван Александрович не выдержал, начал с колкостей в адрес белорусских чекистов, допустивших непростительный, с его точки зрения, «прокол».

– С такой малостью справиться не смогли, – в сердцах проговорился Серов. – У меня на Украине поляков куда больше было. А комар носа не подточил, немец и следа не нашел...

Услышанное не укладывалось в моей голове. «Значит, это правда...» – стучало в висках.

В общем, поляки имели все основания не любить Россию, вне зависимости от идеологии и формы правления. После окончания Второй мировой войны, когда в Польше установилась народная власть, руководство обеих стран клялось в вечной дружбе, основанной на пролетарской солидарности. Рядовые и не очень рядовые поляки, казалось, смирились, но, как это случалось и раньше, стоило власти дать слабину и бывшие обиды выплывали наружу. Дальше все зависело от обстоятельств и способности властей совладать со стихией.

На сей раз «неприятности» в Польше начались сразу после окончания XX съезда, когда 13 марта 1956 года в московской больнице умер от воспаления легких первый секретарь ЦК ПОРП (Польская объединенная рабочая партия) Болеслав Берут. Я уже упоминал о его болезни. Нового лидера польские коммунисты выбирали в обстановке полного разброда. Отец приехал в Варшаву на похороны Берута и задержался там, ожидая, чем закончится Пленум ЦК ПОРП. В зале заседаний он не присутствовал, а сидел в соседнем помещении. После осуждения сталинской практики помыкания восточноевропейскими соседями он демонстративно не вмешивался, но и в стороне оставаться не мог – Польша наш стратегический союзник, через ее территорию пролегают коммуникации с советской военной группировкой в Германии.

21 марта 1956 года первым секретарем ЦК ПОРП выбрали Эдварда Охаба – человека, «достойного доверия», как считал отец, но нерешительного, что называется «ни рыба ни мясо», польского Маленкова.

Тем временем вслед за советскими раскрывались двери и польских тюрем. Еще в 1955 году на свободу вышел арестованный Сталиным бывший первый секретарь ЦК партии Владислав Гомулка. Освободили и множество других известных, малоизвестных и совсем неизвестных поляков. Гомулку отец знал и высоко ценил. Впервые они повстречались в 1944 году, тогда Сталин послал отца в Варшаву помочь наладить городское хозяйство в разрушенном немцами до основания городе. Отец полагал, что Гомулка более сильный политик, чем Охаб, рано или поздно, скорее рано, потеснит Охаба с лидирующих позиций в стране. Он пытался восстановить с ним связи еще при Беруте. Берут, по своей природе человек мягкий, на вопрос отца, за что они посадили Гомулку под домашний арест, впрямую не ответил, пробормотал, что он и сам не знает. Этот разговор не остался без последствий. Вскоре Гомулку освободили, но до «политики» не допускали, из страны не выпускали. Охаб придерживался той же линии поведения, старался блокировать возможные контакты отца с Гомулкой.

А в Польше день ото дня нарастал разброд: и в ЦК, и в интеллигенции, и в народе. Одновременно росли и антисоветские, скорее даже антирусские настроения. Отец внима-

тельно следил за происходившим в Польше, но пока не вмешивался, надеялся, что пролетарская солидарность возьмет верх.

За Польшей потянулась Венгрия... Там за власть боролись Матиас Ракоши и Имре Надь, оба старые коминтерновцы, оба – политики с неоднозначным прошлым. Ракоши в послевоенные годы запятнал свою репутацию многочисленными арестами и казнями, хотя, по свидетельству отца, до последнего противился давлению Сталина в деле «разоблачения врагов» в Венгрии. Но Сталин и его «органы» оказались сильнее. Соперник Ракоши – Имре Надь, с 1933 – агент НКВД по кличке «Володя», после смерти Сталина в июле 1953 года ставший Председателем Правительства Венгрии, тоже не вызывал сомнений в преданности Советскому Союзу.

Оказавшись во главе правительства Имре Надь, как и отец в Советском Союзе, добивался освобождения политических заключенных. В их числе вышел на свободу и Янош Кадар, бывший заместитель Генерального Секретаря Венгерской компартии, политик сильный, умевший поставить задачу и добиться ее осуществления. Вслед за Хрущевым, за его сентябрьским Пленумом ЦК КПСС, Имре Надь выступил с инициативой проведения реформ в Венгрии, в первую очередь в сельском хозяйстве.

Некоторые историки, к примеру Рудольф Пихоя, называют его «венгерским Маленковым». Они, наверное, правы. Имре Надь показал себя политиком мечтаний, а не действий, покорно подчинявшемся сторонней, более сильной воле, плетущимся в хвосте событий, а не управлявшим ими. Керенский, Маленков, Охоб, Надь, Горбачев – все они поначалу очаровывали народ сладкими речами, а, столкнувшись с реалиями жизни, без борьбы сдавали позиции. Охабу и Надю противостояли остававшиеся пока в тени в Польше – Гомулка и Кадар в Венгрии, тоже реформаторы, но по своей натуре политики целеустремленные, решительные, я бы сказал, хрущевского толка.

В апреле 1955 года на Пленуме ЦК Венгерской партии трудящихся Имре Надь под давлением Ракоши сдал позиции. Ракоши обвинил его в популизме, в пренебрежении тяжелой промышленностью. Надя сняли со всех постов и исключили из партии с формулировкой «за расхождение с точкой зрения ЦК». Однако наступили новые времена, и арестовать его Ракоши не посмел. Отставленный от дел, Имре Надь из политики не ушел. Он писал многочисленные статьи, обвинял Ракоши в «проведении антисталинской политики» и одновременно настаивал на облегчении роли крестьян, призывал перестать их обирать, принося в жертву индустриализации.

Я не собираюсь детально описывать события, разворачивавшиеся в Польше и Венгрии летом и осенью 1956 года, я уделил им немало страниц в «Рождении сверхдержавы». Ограничусь лишь общими соображениями о происходившем.

К осени 1956 года оба наших ключевых союзника, Польша и Венгрия, оказались на грани взрыва. Возникла реальная угроза их перехода во враждебный Советскому Союзу военный лагерь. В те годы на Западе господствовала доктрина государственного секретаря США Джона Фостера Даллеса, предусматривавшая последовательное «обкусывание Советского блока», отрыва от него одного восточно-европейского союзника за другим. Предательства национальных интересов Советского Союза отец, естественно, допустить не мог, но он не хотел и грубо вмешиваться во внутренние дела союзников, особенно после того, как сам осудил Сталина за подобную практику. Все лето отец наблюдал за происходившим в Польше и в Венгрии. Под разными предлогами невзначай встречался то с Охабом, когда тот по пути из Пекина в Варшаву на денек остановился в Москве, то на отдыхе в Крыму с Эрне Гере, в июле 1956 года сменившем Матиаса Ракоши на главном партийном посту. Встречался, разговаривал, осторожно давил, но не вмешивался.

В октябре «нарыв» прорвался почти одновременно и в Польше, и в Венгрии. Казалось, все покатило под откос. Не секрет, что истинная сущность политиков проявляется в экстремальных ситуациях.

Когда в Варшаве объявили о решении собрать 19 октября Пленум ЦК, советский посол Пономаренко панически доложил в Москву: «К власти рвутся антисоветские (а значит антирусские) силы». Отец решил разобраться на месте, а если понадобится, то и принять меры. Он полетел в Варшаву незванным, без согласования с хозяевами.²⁹

Они приземлились на варшавском аэродроме днем 19 октября. Открывшийся тем же утром Пленум уже успел поставить во главе ЦК Гомулку вместо Охаба. Отец не имел ничего против Гомулки, но после освобождения последнего из тюрьмы, им так и не довелось встретиться, а в заключении люди меняются.

Однако на восстановление знакомства и на разговоры не оставалось ни часа, ни минуты. Упустишь момент, не дай бог возобладает уличная стихия, и тогда крови не избежать. Большой крови... Позволить же Даллесу «откусить» Польшу отец не мог ни при каких обстоятельствах. Обстоятельства требовали решительности и одновременно взвешенности, умения принять в экстремальной ситуации единственно правильное решение. И отец принял его, обозначил действием ту грань, за которой начнется непоправимое, приказал Коневу двинуть по направлению к Варшаве расквартированные поблизости советские танковые дивизии. О пылящих по польским проселкам советских танках немедленно доложили Гомулке во время весьма бурной встречи двух делегаций. Гомулка попросил прервать заседание, оттащил отца в угол, чтобы объясниться наедине.

– Товарищ Хрущев, – начал Гомулка, – на Варшаву движется ваша танковая дивизия. Я вас прошу остановить движение, лучше, чтобы она не подходила к Варшаве. Я боюсь, совершится непоправимое.

Отец, так же, как и Гомулка, а может и больше, хотел предотвратить «непоправимое».

«Очень нервно Гомулка и просил, и требовал, – вспоминал отец. – Гомулка – экспансивный человек, у него пена на губах появилась. Выражения он употреблял очень резкие.

Завадский (председатель Госсовета Польши, друг отца. – С. Х.) нас предупредил, что идет антисоветская агитация среди рабочих Варшавы. Заводы вооружаются... Ситуация сложилась очень сложная.

– Товарищ Хрущев, вы думаете, что только вы нуждаетесь в дружбе с Польшей? – продолжал Гомулка. – Я, как поляк и коммунист, заявляю, что Польша больше нуждается в дружбе с русскими... Разве мы не понимаем, что без вас не можем существовать как независимое государство. Все будет в порядке, не допустите, чтобы ваши войска вошли в Варшаву. <...>

– Мы дали приказ Коневу остановить продвижение советских войск... (Отдавая его, отец испытал облегчение – С. Х.) Я считаю, что положение спас Гомулка... Остальное было второстепенным. Наше дальнейшее прибытие в Польшу перестало быть необходимым».

В тот же день, 20 октября, советский «десант» возвратился в Москву, и уже вечером они докладывали на Президиуме ЦК о результатах своей миссии в Варшаве. И тут выяснилось, что не все одобряют поведение отца. Молотов с Кагановичем обвинили его в самоуправстве – волюнтаризме по-нынешнему. Команду на продвижение танков к Варшаве они приняли всей делегацией, «за» высказались Молотов, Микоян, Каганович и Хрущев, а вот остановил танки Хрущев самостоятельно. Отец объяснял, что в тот момент времени на дискуссии не оставалось, приходилось действовать как на фронте, а там главенствует единоначалие.

²⁹ Вместе с отцом летели члены Президиума ЦК Молотов, Микоян, Каганович и другие. Командующий войсками Варшавского договора маршал Конев прибыл туда днем раньше.

Молотов и Каганович стояли на своем: он не только превысил данную ему власть, но и, поверив Гомулке, совершил политическую ошибку. Для них Гомулка – вчерашний арестант и никакого доверия не заслуживал. По мнению Молотова, следовало довести до конца силовую операцию, ввести войска в Варшаву, привести к власти «своих» людей.

Отец считал, что поступил правильно, ликвидировал кризис и одновременно предотвратил кровопролитие. Что же касается до «своих» людей, то отец считал Гомулку честным коммунистом и честным поляком – этого достаточно, чтобы выстраивать равноправные, дружеские отношения между двумя странами. «Выход один – покончить с тем, что есть в Польше», – напирал Молотов. Единственно, на что он соглашался, так это на недолгую отсрочку: «Когда все немного успокоится, под видом маневров необходимо захватить Варшаву, свергнуть существующую власть, поставить вместо нее временный комитет».

Отец спорил до хрипоты, но Молотов не сдвинулся ни на йоту. Каганович ему поддакивал. Разошлись, так ни о чем не договорившись, отложили решение на завтра. Молотов уехал к себе на улицу Грановского, остальные, отец с Булганиным и Маленковым в одной машине и Каганович с Микояном в другой, отправились на Ленинские горы, где располагались правительственные особняки.

Там они разделились. Отец с Маленковым, Булганиным и Кагановичем пошли на вечернюю прогулку. Микоян, сославшись на накопившуюся в поездке усталость, ушел к себе. Он решил принять горячую ванну и пораньше лечь спать.

Прогулка получилась не очень удачной, спор разгорелся с новой силой, когда Каганович стал рассуждать, кого надо поставить в Варшаве вместо Гомулки. Отец с ним категорически не соглашался, считал, что выбора у них нет: или Гомулка, или кровь. Маленков и Булганин не вмешивались, Гомулке они, как и Каганович, не верили, но и вступать в пререкания с Хрущевым желания не испытывали.

В какой-то момент отец решил вытащить из дома Микояна, он тоже летал в Варшаву и, как казалось отцу, должен его поддержать. За ним отправился начальник охраны отца полковник Столяров. Анастас Иванович только вылез из ванны, когда Столяров передал ему через жену, что его очень просят присоединиться к «гуляющим». Микоян догадывался, в чем дело, и «гулять» ему очень не хотелось. Но не откликнуться на просьбу Хрущева он тоже не мог.

Жена повязала ему теплый шарф, чтобы не простудился после ванны, поворчала, что нет им от Хрущева покоя ни днем, ни ночью, и Микоян в сопровождении Столярова пошел к калитке в деревянном заборе, отделявшем его резиденцию от нашей.

Эти бытовые эпизоды я почерпнул из книги Серго, младшего сына Анастаса Ивановича. Дальнейший его рассказ доверия у меня не вызывает. Из его слов следует, что Хрущев не спорил, а придерживался единого мнения с Кагановичем, а Микоян их всех переубедил и один предотвратил катастрофу. Правда, тогда становится неясным, зачем понадобилось отцу вытаскивать его из ванны, если они с Кагановичем пришли к согласию. Причем, Серго там не присутствовал, а пересказал слова своей матери, которая тоже рассталась с Микояном на пороге резиденции.

Я тоже не знаю, как долго продолжалась прогулка по Воробьевым горам, кто и какие приводил аргументы, но результат ее известен – отец, с помощью Микояна или без него, «доломал» Кагановича, а тот, видимо, в свою очередь, уговорил Молотова не настаивать.

Так или иначе, но на следующий день обстановка в Президиуме ЦК переменилась. В самом начале обсуждения польского вопроса отец твердо расставил все точки над «и»: «Учитывая обстановку, следует отказаться от вооруженного вмешательства. Проявить терпимость».

«Все согласны» – записано в протоколе. «Все» – значит, и Молотов с Кагановичем.

Дальше перешли к обсуждению будущего советских советников в польских учреждениях, цен на польский уголь, отзыва советских генералов, служивших в польских вооруженных силах.

Однако Молотов окончательно не смирился. Он не сомневался – за Гомулкой во власть потянутся его «подельники», те, кого при Сталине держали не в ЦК, а в тюрьме. Он посчитал необходимым дать «оценку» событиям в Польше, предложил товарищам Микояну, Кагановичу, Молотову и Шепилову подготовить информацию для встречи с представителями братских партий. Какую «информацию» подготовят Молотов, Каганович вместе с Микояном и Шепиловым, догадаться не трудно – осудят, заклеят, пригвоздят к позорному столбу.

«Товарищи Хрущев и Булганин высказываются за то, чтобы не писать такую информацию».

Товарищи Каганович и Молотов настаивают, что оценку положения надо дать. В политике польской партии произошли изменения», – записал Малин.

Снова заспорили, с одной стороны Молотов с Кагановичем, с другой – Хрущев с Булганиным. Остальные члены Президиума ЦК не вмешивались, в том числе и Микоян. Сошлись на том, что с оценкой смены власти в Польше следует повременить, дождаться опубликования решений Пленума ПОРП, завершавшегося в этот день, 21 октября, свою работу».

Итак, крови удалось избежать, избежать благодаря решительности и воле, как отца, так и Гомулки, у которого в Варшаве имелись свои горячие головы, свои «Молотовы с Кагановичами». Один четко указал границы приемлемого для Советского Союза, другой продемонстрировал понимание позиции соседа и, что важнее, способность контролировать ситуацию в Польше. С тех октябрьских дней отец и Гомулка стали не только союзниками, но и друзьями. Правда, некоторая дистанция сохранялась: отец звал Гомулку по имени, «Веслав», а Гомулка отца – «товарищ Хрущев».

Совсем иначе разворачивались дела в Венгрии. По каким-то своим соображениям отец туда не поехал, послал Микояна с Суловым. То ли он не посчитал обстановку столь же критической, как в Польше, то ли после столкновения с Молотовым и Кагановичем возобладала концепция «коллективного» руководства. Не знаю. Ясно одно: доверивши разрешение кризиса не тем людям, отец совершил ошибку, которая дорого обошлась и венграм, и нам.

Микоян – блистательный переговорщик, способный «уговорить» любого «твердокаменного» партнера, выторговать все возможное и невозможное и затем еще кое-что в придачу. Но он – человек компромисса, всегда державший в запасе не одну запасную позицию, избегавший резких движений, боявшийся ультиматумов. Он бесконечно тасовал свои «карты», даже тогда, когда время разговоров прошло и от него требовалось решение. В силу своих качеств Микоян блестяще показал себя в переговорах с американцами, где позиции сторон устоялись, партнеры давно притерлись друг к другу и успех зависел от умения вести торг, от выдержки, если хотите, усидчивости. Из-за тех же качеств он провалил дело в Венгрии, не смог обозначить венгерским руководителям, неважно, Гере или Надю, границу, за которой, по словам Гомулки, «следовало непоправимое».

Кандидатура Сулова тоже оказалась неудачной. Михаил Андреевич всю жизнь пекся о сохранении в первозданной чистоте идеологических догм, подобно средневековым схоластам, реалии жизни выверял по цитатам из классиков марксизма-ленинизма. Если же не находил у них ответа, он терялся, начинал всплескивать руками, причитать по-бабьи. О возможности противостояния народа своей же «народной» власти классики не писали, и в Венгрии Сулов растерялся.

Все лето эта пара, Микоян с Суловым, курсировала из Москвы в Будапешт, потом в Белград и снова в Будапешт. Они переговаривались сначала с Ракоши, потом, когда Микоян, по настоянию отца, вынудил его подать в отставку и уехать в Советский Союз, с преемником Ракоши – Эрвином Гере, человеком нерешительным и слабым. Тем временем события наби-

рали обороты, в Венгрии, как и в Польше, нарастали не только антисталинские, но и антисоветские, антирусские настроения. Тон задавал «кружок Петефи» – неформальное собрание оппозиционеров-интеллектуалов, назвавшихся именем венгерского поэта-повстанца, погибшего 31 июля 1849 г. во время национально-освободительной революции.

В тот год венгры восстали, добиваясь освобождения из-под гнета австрийских императоров Габсбургов. На помощь Вене пришел Петербург, Николай I послал в Будапешт свои войска. Габсбурги-Романовы «навели в Будапеште порядок», пролив при этом реки крови. В Советском Союзе Шандора Петефи считали поэтом-революционером, нашим идеологическим союзником. У венгров же гибель Петефи вызывала совсем иные, антирусские ассоциации.

События в Будапеште развивались по польскому сценарию. Гере, как и Охаб, постепенно упустил из рук бразды правления, на первые роли выходил «обиженный» властями Имре Надь.

В октябре 1956 года Имре Надь возглавил венгерское правительство, однако, в отличие от Гомулки, быстро и необратимо утрачивал контроль над событиями, происходившими в столице. Через границу с Австрией в Венгрию хлынули эмигранты, в том числе союзники Гитлера в войне против СССР.

«Надь Имре. Этот человек шел за толпой, опирался главным образом на молодых мальчишек...» – такое мнение сложилось у отца.

По мере того как власть уходила из рук правительства, в Будапеште все большее влияние обретала уличная стихия. В ней зарождались свои центры власти. Неизвестно откуда взявшиеся молодые люди с повязками на рукавах творили на улицах самосуд, ловили коммунистов, тех, кого подозревали в связях с госбезопасностью и просто вызывавших подозрение прохожих, расстреливали на месте или, того хуже, вешали на фонарных столбах. Надь попросил ввести советские войска в Будапешт. Как только войска вошли в город, Надь, тут же под давлением толпы потребовал их вывести из Будапешта, а затем и вообще убрать советские войска из страны, заявил о выходе Венгрии из Варшавского договора.

Отпадали последние сомнения: если не принять немедленных мер, Венгрию мы потеряем, Имре Надь у власти долго не удержится, на смену ему придут люди куда более решительные, начнется кровавая баня. В результате в стране окажутся американцы. Советский Союз не мог позволить Даллесу откусить Венгрию от нашего общего «пирога».

В Москве мнения разделились. Молотов, Маленков, Первухин, Каганович, Жуков, Булганин, Сулов, Сабуров, Шепилов требовали принятия жестких мер. Микоян считал, что «без Надя не овладеть положением», следует повременить, не вмешиваться, вступить в переговоры, «не идти против воли народа».

Отец колебался, ему крайне не хотелось пускать в дело войска, проливать кровь. Тем самым он уподоблялся американцам, подавлявшим оружием освободительное движение в Гватемале и других центральноамериканских государствах или того хуже, – российскому императору Николаю I – жандарму Европы. Отец все надеялся, что «здоровые силы, рабочий класс» одумаются и сами наведут порядок. Накал страстей в Венгрии нарастал, правительство Имре Надя само уже висело на волоске. К исходу октября стало ясно: не одумаются, или на Венгрию следует махнуть рукой, или действовать решительно. Микоян тем временем слал из Будапешта шифровки о переговорах с Имре Надем о прощупывании почвы для компромисса.

Отец не считал себя, вообще Советский Союз, вправе принимать решение в одиночку, без консультаций с союзниками. 24 октября в Москву прилетели немцы – Ульбрихт с Гротеволем, президент Чехословакии Новотный, Живков и Югов от Болгарии. Они согласились с советской позицией, которая, в свою очередь, менялась день ото дня. Отдельно от остальных вечером того же дня всем Президиумом встретились с эмиссаром Мао Цзэдуна Лю Шаоци.

Результат тот же, вернее, пока никакого результата. Лю Шаоци остался в Москве, до Пекина, по тем временам, два дня лета, а руководители восточноевропейских стран разъехались по домам.

Всю следующую неделю Президиум ЦК собирался практически ежедневно, а то и по несколько раз на день. За изнурительными заседаниями Президиума следовали не менее изнурительные, часто ночные переговоры с китайцами. Изнурительными они стали не из-за какой-то особой китайской позиции – Мао Цзэдуна Венгрия не волновала: хотите подавить волнения силой, подавляйте, решите все пустить на самотек – пускайте. Отец изнурительно боролся сам с собой. А тут случилась новая напасть, 30 октября Израиль атаковал Египет, на следующий день его поддержали вооруженные силы Англии и Франции. Под шумок, в тени Венгерских событий, они решили восстановить контроль над Суэцким каналом. Прошедшим летом его национализировал свергнувший проанглийского короля Фарука новый президент нового Египта Гамаль Абдель Насер.

Отец наконец решился, бездеятельности нам история не простит. Утром 31 октября он предложил советскому руководству силовое вмешательство в Венгрии. Вызвали маршала Конева. Он доложил: для подготовки операции потребуется три дня, начинать можно в ночь на 4 ноября. Президиум ЦК проголосовал единогласно «за», правда, отсутствовал Микоян. Он еще не прилетел из Будапешта, его ожидали только к вечеру. Лю Шаоци согласился, без вооруженного вмешательства не обойтись. Больше не полагаясь на Микояна с Сусловым, отец взялся сам облететь союзников.

Отлет назначили на утро 1 ноября. Перед отъездом в аэропорт отца во дворе резиденции перехватил Микоян, он по-прежнему считал, что «силой сейчас ничего не сделать», предлагал еще пару недель выждать, авось все наладится. Отец уже не сомневался: не наладится, и с Микояном даже спорить не стал, все решено, он через час улетает сначала в Брест на переговоры с Гомулкой, оттуда – в Бухарест за поддержкой остальных лидеров восточноевропейских стран, а из Бухареста – на Бриони к Тито, надо заручиться и его согласием на применение силы.

Микоян разнервничался, как вспоминал отец, пригрозил, что «не знает, что с собой делает». Самому Анастасу Ивановичу помнится, что он лишь «обдумывал отставку из Политбюро (Президиума ЦК). В первый раз – в 1956 году из-за решения применить оружие в Будапеште, когда я уже договорился о мирном выходе из кризиса».

О чем он договорился, что означает «мирный выход из кризиса», Анастас Иванович не пояснил. И без пояснений ясно, мирным оставался единственный «выход из кризиса» – капитуляция.

Отец улетел, а Микоян отправился на заседание Президиума ЦК. Там, в отсутствие отца, он повторил свои аргументы: «Требование вывода советских войск стало всеобщим. Силой сейчас ничего не поможешь. Надо вступить в переговоры, выждать дней 10–15, поддержать это правительство. Если положение стабилизируется, тогда дело пойдет к лучшему. Венгрию упускать нельзя».

Говорил Микоян бессвязно и понимания у членов Президиума не нашел. Заседание продолжалось почти весь день с перерывом на обед и завершилось, как и началось, выступлением Микояна. Теперь Анастас Иванович считал, что «если Венгрия становится базой империализма, тогда нет разговора. Нельзя допускать школярский подход. Есть еще три дня подумать, посоветоваться с товарищами. Тактика: держать с ними контакт».

Об упомянутой в мемуарах договоренности с Имре Надем на Президиуме ЦК не прозвучало ни слова, и уж совсем неясно, когда Анастас Иванович подумывал об отставке? До заседания Президиума ЦК? Во время перерыва на обед? Но уж точно не после своих заключительных слов.

Президиум ЦК еще заседал в Москве, а отец уже прилетел в Брест. Поляки приехали из Варшавы на «мерседесе» председателя правительства Циранкевича. Он сам вел машину. Переговоры начались на приграничном военном аэродроме в здании штаба расквартированного там истребительного полка.

Гомулка юлил. После недавних событий в Варшаве он не мог открыто поддержать советскую вооруженную интервенцию, но как реальный политик понимал, что Венгрию терять никак нельзя.

– Мы считаем, что войска выводить не следует, но и пускать их в дело тоже не следует. Надо дать возможность правительству, занимающему контрреволюционную позицию, разоблачить себя. Тогда венгерский рабочий класс сам восстанет и свергнет его, – большего отцу от Гомулки добиться не удалось. Однако он понял главное – Гомулка против силового разрешения кризиса протестовать не станет.

В Бухаресте все прошло гладко. Немцы, болгары и чехи высказались «за», а румыны даже предложили поучаствовать своими войсками. Отец от помощи отказался, советские войска находятся в Венгрии, как и в Германии, по праву победителей во Второй мировой войне.

Не следует забывать, венгры – верные союзники Гитлера – зверствовали на советской территории похлеще самих немцев, и Будапешт в конце войны мы не освобождали, а брали приступом. Солдаты получали медали за освобождение Софии и Праги, Белграда и Бухареста, но за взятие Берлина и Будапешта, Вены и Кенигсберга. Это не только наше право, но и обязанность – не допустить враждебные силы на территорию стратегически важного партнера. Принятое решение соответствовало национальным интересам СССР и международным интересам социалистического или, если хотите, Восточноевропейского альянса. Таковы политические реалии, определявшие правила поведения держав-победительниц: СССР и США. Для сравнения вообразите себе реакцию американцев, если бы в Японии в 1956 году разъяренные толпы требовали пересмотра результатов Второй мировой войны: и Сан-Францисского мирного договора, и вывода войск США со своей территории, а также преследовали бы своих лояльных к оккупационной власти сограждан. Вообразили? То-то же!

Тито тоже поддержал применение силы. Утром 3 ноября отец вылетел из Югославии в Москву, куда добрался ближе к вечеру. По возвращении определились с Имре Надем. Члены его правительства Янош Кадар и Ференц Мюнних полностью разделяли позицию Москвы: надо действовать, и немедленно, завтра будет поздно, к взятию власти они готовы. В отсутствие Кадара и Мюнниха начали обсуждать, кого поставить во главе нового венгерского руководства, и отец с Молотовым снова разошлись во мнениях. Молотов не доверял Кадару, он сидел в тюрьме. В душе Вячеслав Михайлович не сомневался – если Сталин его арестовал, то было за что, но вслух посетовал, что в заключении он мог озлобиться, и вообще лучше не рисковать. Он предпочитал Мюнниха.

К Мюнниху отец относился хорошо, знал его еще с 1930-х годов, они оба работали в Москве, где Мюнних подвизался в Венгерской секции Коминтерна, однажды даже оказались вместе на военных сборах, но он считал его для такой роли абсолютно неподходящим, примитивно-прямолинейным, не способным маневрировать.

Отец высказался за Кадара, тюремное прошлое тоже говорило в его пользу, в современной обстановке – это плюс, а не минус. Молотов попытался возражать, но настаивать не стал. После своего поражения в «Польском вопросе» он решил воздержаться от открытых конфликтов с Хрущевым.

Теперь давайте посмотрим, что происходило на «той» стороне. Американцы исключали свое вооруженное вмешательство в венгерские дела, слишком опасно, да и по Потсдамскому соглашению Венгрия относилась к советской зоне оккупации. В Организации Объ-

единенных Наций, в столицах европейских государств их «второстепенные» дипломаты, по «собственной инициативе» доверительно советовали «не затягивать операцию», подталкивали Советский Союз, естественно в собственных интересах, к силовому разрешению Венгерского кризиса.

В Париже советник американского посольства Либих «приватно», за обеденным столом, убеждал своего друга «советника по культуре» советского посольства Владимира Ивановича Ерофеева: «Постарайтесь не затягивать вашу операцию. Если вы осуществите ее за несколько дней, мы вмешаться никак не будем». Ерофеев отмолчался и, естественно, тут же доложил обо всем в Москву. Либих не успокоился, напросился на еще одну встречу, уже перед самой англо-французско-израильской высадкой в зону Суэцкого канала. Во время разговора он почти в открытую дал понять, что руки у Советского Союза в Венгрии развязаны.

Это была хорошо продуманная политика госсекретаря США Даллеса. Американцы выигрывали при любом повороте событий. Если «Советы» проявят непростительную для великой державы нерешительность, откажутся от применения силы, то Венгрия сама, без каких-либо усилий со стороны, упадет к ним в руки. Людей, шедших на смену Надю, они хорошо знали. Правда, на то, что удастся «откусить» Венгрию от Восточного блока, Даллес всерьез не рассчитывал, он достаточно хорошо изучил отца и не сомневался, такой глупости тот не допустит. Более того, подстраховываясь, он поручил своим дипломатам намекнуть советским коллегам, что США в Венгрию не полезут, из-за нее мировую войну затевать не намериваются. Либих в Париже четко отслеживал инструкции, полученные из Вашингтона. Одновременно ЦРУ, Аллен Даллес, через свои радиостанции всячески подстрекали венгров к восстанию. По всем «голосам» вещали: «Американские войска на подходе, стоит вам начать, и вас в беде не оставят...»

Дело тут не в несогласованности политики госдепартамента и ЦРУ, напротив, братья Даллесы все согласовали до деталей. Если Венгрия «откусится» – хорошо, но если прольется кровь, то чем больше ее прольется, тем лучше, тем сокрушительнее окажется их пропагандистская победа.

Утром 4 ноября операция «Вихрь» по восстановлению порядка в Венгрии началась. Серьезного сопротивления войска не встретили, все завершилось в течение двух дней, венгры потеряли 2 502 человека убитыми и еще 19 266 ранеными. С советской стороны погибло 720 военнослужащих и 1 540 человек получили ранения. Двести тысяч венгров бежали в соседнюю Австрию.

Собственно, и в Тбилиси, и в Варшаве, и в Будапеште события развивались сходно: сначала вздох облегчения, ощущение освобождения, сопровождаемые желанием как можно скорее очиститься от скверны, наказать виновных, затем спонтанные, спорадические проявления недовольства, относительно мирные стихийные митинги и шествия, растерянность, бездействие местных официальных лиц, первые попытки неповиновения властям, первые проявления насилия и одновременно кристаллизация центров сопротивления, возникновение параллельных оппозиционных властных структур. И так далее по нарастающей. Только заканчивалось все по-разному. В Варшаве – бескровно: отец и Гомулка спохватились вовремя, у них достало воли, не дожидаясь худшего, проявить решимость. В Тбилиси пришлось использовать силу, но дело не успело зайти слишком далеко, обошлось малой кровью. Имре Надь в силу слабости своей натуры спасовал, утратил способность влиять на происходившее в Будапеште, фактически потерял власть. В результате все закончилось трагически. Крови не удалось бы избежать, примени Советский Союз силу или нет, вне зависимости от того, какая из противоборствующих сторон взяла бы верх. Только в одном случае пролилась бы кровь наших сторонников, их в Венгрии насчитывалось немало, и счет пошел бы на многие тысячи, в другом – пострадали наши противники. К сожалению, развенчание кровавых диктаторов и диктатур в истории никогда еще не обходилось без крови.

С разных сторон одни и те же события видятся очень по-разному: борцы за свободу для одних, для других – они же кровавые террористы. События 1956 года в Тбилиси, Будапеште и Варшаве не исключение. Так уж устроена жизнь.

Аукнулся «секретный» доклад и на Востоке. Не вызывает сомнений, что именно он ускорил разрыв с Мао Цзэдуном. В разоблачении преступлений Сталина Мао справедливо почувствовал прямую угрозу собственному всевластию. Сошлюсь на постоянно находившегося при Мао его личного врача Ли Чжисуя: «...Водоразделом в отношениях Китая с Советским Союзом стала речь Хрущева на XX съезде КПСС, в которой он осудил культ личности Сталина.

Мао почти обожествлял роль вождя и считал, что он и только он способен возродить и преобразовать Китай. Его называли китайским Сталиным... Одоблив нападки на Сталина, Мао развязал бы руки своим противникам, а этого он допустить не мог.

Он (Хрущев – С. Х.) восстал против человека, вознесшего его, Хрущева, на политический Олимп, а это, по мнению Мао, – величайшее преступление.

Речь Хрущева резко повлияла на внутреннюю политику, предложение Чжу Дэ, чтобы Китай поддержал осуждение культа личности Сталина, задело Мао за живое. Мао никогда не простил Хрущеву его нападок на Сталина. Шел 1956 год, и я замечал, как катастрофически портятся отношения Мао с ЦК своей компартии. Он считал, что большинство лидеров КПК в своих решениях угодливо и бездумно подражают Советам».

Мао не стал дожидаться, пока китайские почитатели XX съезда наберут силу. Он справедливо опасался, как бы советский пример не оказался заразителен, скорее – заразен, и Мао поспешил разделаться со своими потенциальными «Хрущевыми». И, чтобы другим nepовадно было, самого Хрущева записал в «ревизионисты и правые уклонисты», а Советский Союз, задолго до Президента США Рональда Рейгана, объявил «империей зла». В исторической перспективе вряд ли существовала возможность избежать конфликта. Китай – Срединная Империя, центр мироздания, исторически не мог не претендовать на роль великой державы, хотя бы потенциально. А двум медведям в одной, даже социалистической, берлоге не ужиться. Чуть раньше или чуть позже Китай, его руководство, с Мао или без него, попытались бы потеснить Советский Союз с лидирующих позиций в социалистической части мира или на худой конец отрезать себе от него азиатско-африканский ломоть.

Что же до великой дружбы и социалистической интернациональной солидарности, в которую верил отец, то никакая идеологическая установка не в силах противостоять самоощущению нации. Напротив, менталитет нации легко подминает под себя любую теорию, переделывает по своему образу и подобию, подгоняет ее под свое историческое самознание. Сколько стран строили социализм-коммунизм, но приглядитесь, к примеру, так ли много общего между его российской и китайской версиями? С годами Советский Союз и Китайская Народная Республика все больше походили на российскую или китайскую империи, все дальше отходили от написанных не для нас и не про нас теоретических предначертаний германского философа. И Сталин, и Мао Цзэдун почти открыто отождествляли себя с царями и императорами, Сталин в качестве образца выбрал сначала Петра I, а затем Ивана Грозного. Для Мао идеалом стал вызывавший отвращение своей свирепостью и бессмысленной жестокостью император Чжоу из династии Шан, правивший Китаем в одиннадцатом веке. Мао считал, что Чжоу внес выдающийся вклад в историю Китая, расширил его границы, и за это можно простить ему все жестокости.

Даже отец, заглянув почти через полвека после Октябрьской революции в родную деревню Калиновку на Курщине и не сумев объяснить своей старой тетке, какой он пост занимает в Москве, что такое первый Секретарь ЦК КПСС, произнес: «Ну, это что-то вроде царя!» Старушка радостно закивала головой и стала гладить отца по руке.

Еще через полвека первый посткоммунистический всенародно избранный российский президент Борис Ельцин расплывался в самодовольной улыбке, когда окружающие величали его «царем Борисом».

Не только Россия и Китай, но малые страны переиначивали коммунистическую теорию под себя. Корейский социализм имеет очень мало общего с российским и китайским, но зато очень похож на южнокорейскую «демократию». Кубинский же повторяет все извивы центральноамериканских диктатур. Точно то же самое можно сказать и о европейских социализмах: от венгерского и чешского до шведского и датского. Так уж все устроено на земле.

Неудивительно, что геополитические реалии советско-китайских отношений взяли верх над интернационализмом и пролетарской солидарностью. Доклад Хрущева на XX съезде только ускорил этот процесс, придал ему личностную окраску столкновения не только двух «монархий», но и «монархов».